образованных кругов новой дворянской интеллигенции, которая к середине XVIII в. составляла своеобразную культурную элиту общества и к которой несомненно принадлежал Сумароков.

Возвращаясь к вопросу о значении, какое могли иметь для первых драматургических опытов Сумарокова школьный и светский театры того времени, следует признать, что первенство несомненно принадлежит светскому направлению. Такое мнение можно было бы высказать и ранее на том основании, что прямых контактов со школьным театром в годы учения Сумароков, повидимому, иметь не мог из-за отсутствия в Петербурге в отличие от Москвы благоприятных условий для расцвета школьной драмы. Но помимо этих соображений в пользу такого мнения служит сопоставление ранних трагедий Сумарокова с кругом пьес, рассмотренных нами только что в общих чертах. Центральным для понимания специфики трагедий Сумарокова является вопрос о моральной направленности их содержания. При всей кажущейся простоте сложность его порождена многоаспектностью проявления этой моральной направленности, с одной стороны, и наличием определенной эволюции в драматическом воплощении ее на разных этапах творческого пути Сумарокова — с другой. Поскольку в поле нашего зрения самые ранние пьесы Сумарокова, мы не будем здесь касаться второй стороны вопроса (отчасти она уже была освещена в литературе),[12] а сосредоточимся на той части проблемы, которая прямо связана с темой статьи.

Каковы же аспекты проявления моральной направленности в первых трагедиях Сумарокова и в чем их связь с традициями светского театра петровской и послепетровской поры?

Уже современники Сумарокова подметили любопытную особенность ранних его трагедий: отсутствие единства их художественной структуры, порожденное раздвоенностью драматического действия. В каждой из них по существу два конфликта, порождающие две существующие самостоятельно драматические коллизии. Любопытен разбор с этой точки зрения первой трагедии Сумарокова «Хорев» (1747), предпринятый еще в 1750 г. Тредиаковским в его критической статье «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол...».[13] Так, указав на нарушение Сумароковым правил, предписываемых драматическому произведению, в частности известного правила «трех единств», Тредиаковский далее замечал: «Мне кажется, что у Автора нашего в трагедии (Хорева) нарушено первое из единств оных, а именно единство представления. С самого оглавления мы видим, что все дело

---

[12] См. нашу статью: О художественной структуре трагедий А. П. Сумарокова. — В кн.: XVIII век. Сб. 5. М.—Л., 1962, стр. 273—294.

[13] Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865, стр. 437—500.